СССР
самый
стильный
советский
роман
Нодар Думбадзе
Я, бабушка,
Илико и Илларион

Нодар Думбадзе
Я, бабушка, Илико и Илларион

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=318972
Нодар Думбадзе. Я, бабушка, Илико и Илларион. Авторский сборник: Олимп, Астрель, АСТ; Москва; 2004
ISBN 5-17-026261-2, 5-271-09817-6, 5-7390-1325-9

Аннотация

Романы «Я, бабушка, Илико и Илларион» и «Я вижу солнце» во многом автобиографичны.

Действие происходит в деревнях, где в годы Отечественной войны из мужчин остались лишь старики. Живущий с бабушкой осиротевший мальчик Зурико растет под присмотром стариков-соседей. Оба они – острые на язык, любящие подшутить или даже разыграть друг друга, преисполнены доброты, жизненной мудрости и всегда готовы прийти на помощь бедствующим.

Содержание

Бабушка 4
Охота 8
Кровь за кровь 14
Сторож 19
Общее собрание 21
Бурка, сапоги и носки 24
Литературный вечер 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Нодар Думбадзе
Я, бабушка, Илико и Илларион

Бабушка

Справа от моего села протекает река Губазоули, слева – небольшая речушка Лаше, кишащая крабами, бычками и босоногими мальчишками. Через Губазоули перекинут мостик. Каждой весной взбушевавшаяся река уносит его, оставляя только торчащие из воды черные сваи. И все же мое село самое красивое и веселое в Гурии. Я люблю его больше всех сел на свете, потому что нигде не может быть другого села, где жили бы я, бабушка, Илико, Илларион и моя собака Мурада… Моя бабушка – мудрая женщина. Она постоянно твердит мне:

– Учись, негодяй, учись, а то неучем останешься!

О науке у бабушки своеобразное представление. Однажды, когда я сидел на балконе и во весь голос твердил наизусть правила из грузинской грамматики, бабушка спросила:

– Что это ты там зубришь, сынок?

– Лицо глагола, бабушка!

– Что? Где это слыхано – лицо у глагола! Лицо может быть только у человека!

– Это другое лицо, бабушка, совсем не то, что ты думаешь.

– Лицо на свете одно. И все.

– Ладно, – сказал я и захлопнул книгу, – отвечай тогда, что такое лицо.

– ЛИЦО – это… ЛИЦО!

– Садись, бабушка. Урока не знаешь, ставлю двойку!

– Я тебе покажу двойку, прохвост! Сию же секунду иди и привяжи козу, не то так взгрею – своих не узнаешь!

– Хорошо, еще один вопрос задам и пойду. Сколько существует лиц?

– Лиц столько, сколько людей на свете. Но лицо дано не для того, чтобы такие гримасы строить, болван! У одних лицо худое, у других – круглое и толстое, у третьих – вообще не разберешь какое, размазня одна. А еще бывают лицемерные и двуличные люди.

– Жулики тоже бывают, – сказал я.

– Правильно! Например, наш почтальон. Сдирает с конвертов марки, а потом говорит – без марки, мол, было, давай рубль.

– А я какой, бабушка?

– Ты? Ты прохвост, шалопай, бездельник, плут, пройдоха и нехристь к тому же!

Нет во всей Гурии женщины, которая могла бы проклинать лучше, чем моя бабушка. Но мне не страшны ее проклятия – однажды бабушка обмолвилась: «Уста мои проклинают, а сердце благословляет тебя…» Надо сказать, моя бабушка весьма отрицательно относится к бездушному решению Наркомпроса, которое обязывает учащихся ежедневно высиживать в школе полные шесть уроков. Хотя лично я никогда не давал ей повода для этого. Свой учебный день я, как правило, еле дотягиваю до четвертого урока. Потом уже теряю всякое представление о времени и пространстве и голосом, несколько громче обычного, спрашиваю соседа по парте:

– Ромули, дорогой мой, что это так долго не звонят? Звонок пропал или сторож?

Ромули скалит зубы, а учитель, указывая на меня пальцем (я показательный ученик!), ласково процеживает:

– Сейчас же встань и убирайся вон! И пока не приведешь родных, чтобы духу твоего здесь не было!

Я не спрашиваю «почему?», так как знаю, что после такой дискуссии в ход обычно пускаются мел и линейка. Я молча беру сумку и фуражку и направляюсь к двери.

– До свидания! – говорю я Ромули.

– До скорой встречи! – говорит он мне и машет рукой.

На второй день я веду в школу бабушку, затем бабушка ведет меня домой, потом опять я веду бабушку в школу, и снова бабушка отводит меня домой и так далее. Можно смело сказать, что десятилетку я и бабушка заканчивали вместе. По-моему, это единственный случай в истории человечества. Я обыкновенный деревенский мальчик. У меня в сумке всегда фрукты, рогатка и пугач. До первых заморозков хожу в школу босиком. У меня всего одни залатанные штаны и по две переэкзаменовки каждый год. Из-за моей собаки Мурады, которая всегда бегает за мной хвостом, в деревне меня называют собачником, в школе – плутом и лентяем, а бабушка раз и навсегда окрестила прохвостом. Настоящее же мое имя – Зурико. Когда бабушка сердита на меня, я ночую в давильне; как помиримся – я снова перебираюсь в комнату. Днем бабушка, призывая на мою грешную голову громы небесные, гоняется за мной с хворостиной в руке. Ночью она моет мне ноги и, дождавшись, когда я усну, тихо целует… Как я веду себя в школе? На этот счет существует официальный документ – «Протокол заседания педсовета». Выглядит этот документ примерно так:

«Протокол заседания педагогического совета Н-ской средней школы от 18 марта 1940 года.

Присутствовали: все преподаватели.

Слушали: сообщение руководителя шестого класса о поведении ученика того же класса Зураба Вашаломидзе.

Высказались:

Преподаватель физики: «В природе не существует энергии, которая могла бы расшевелить Вашаломидзе. Мальчик этот – погруженное в жидкость тело, на которое не действует никакая выталкивающая сила!»

Преподаватель математики: «Для меня Вашаломидзе – уравнение со ста неизвестными. Решить такое уравнение я не в силах».

Преподаватель химии: «Никакой реакции! Сидит и выматывает мне нервы. Это какой-то необычный лакмус: он никогда не краснеет!»

Преподаватель русского языка: «По-моему, он просто идиот».

Преподаватель географии: «Познания Вашаломидзе весьма не рельефны. Мальчик или аномальный, или истощенный».

Преподаватель истории: «Это скорее человек каменного века, чем цивилизованный представитель двадцатого столетия. Невозможно зафиксировать момент нахождения Вашаломидзе в состоянии покоя на уроке. Никакого прогресса. Вашаломидзе – позор для всего класса».

Школьный сторож: «Да что вы пристали к бедному ребенку? Если уж он такой дурак, как же вы его переводите из класса в класс?»

Завуч: «Тебя не спрашивают! Твое дело – приходить вовремя и звонить!»

Преподаватель грузинского языка (мой близкий родственник): «Я вас не понимаю! Можно подумать, что на этом Вашаломидзе свет клином сошелся! Да кто у вас в классе лучше его? Может, директорский сынок? Круглый пятерочник, а такого идиота я в жизни не встречал! Сидит на уроках, точно сыч в дупле».

Преподаватель физкультуры: «А почему ты ставишь ему пятерки?»

Преподаватель грузинского языка: «Попробуй не поставь!»

Завуч: «Замолчите!.. А ты что скажешь, Вашаломидзе?»

Вашаломидзе: «Учитель грузинского языка прав».

Завуч: «Истукан! Не об этом спрашиваю! Что ты скажешь о себе?»

Вашаломидзе: «О себе? На этот раз простите, а в дальнейшем я исправлюсь!»

Наслушавшись подобных отзывов о собственной персоне, я усомнился было в своей нормальности и здоровье, но счастливый случай рассеял мои подозрения.

Пришлось мне как-то целую неделю не ходить в школу – мотыжил кукурузу. А чтобы за пропуски занятий не исключили из школы, требовалась справка о болезни. В те времена в нашей деревне таких справок здоровым людям, к сожалению, не выдавали. Поэтому пришлось уложить меня на один час в постель и вызвать врача.

С утра меня морили голодом, чтобы придать моему лицу болезненную бледность, стянули голову полотенцем, и бабушка отправилась за врачом. Через полчаса врач осадил своего коня в нашем дворе.

– Что с тобой, парень? – спросил врач, присаживаясь ко мне на кровать.

– Умираю… – простонал я.

– Хорошо… А все же, что у тебя болит?

Признаться, такого вопроса я не ожидал и поэтому в испуге взглянул на бабушку.

– Все болит, – сказала бабушка.

– Волосы болят?

– Болят, – простонал я.

В это время в комнату вошли соседи – Илико и Илларион. Они знали о моей «болезни» и тут же вступили в разговор.

– Что-то в последнее время стал я замечать, ослабел наш мальчик, – сказал Илларион.

– Точнее…

– Точнее? Аппетит у него пропал. Прошлый раз насилу заставил мальчика съесть три тарелки лобио и один мчади. И ни куска больше!

– Да ну? – удивился врач.

– Тобой клянусь!.. Раньше, бывало, он съедал еще головку сыра, а в тот день как заупрямится – «не хочу да не хочу!». Дома, говорит, уже обедал.

– Это правда? – спросил меня врач.

– Правда, доктор. Как увижу лобио, сразу тошнить начинает.

– Мда… А как насчет жареного цыпленка с чесночной подливкой, или молодого сулгуни с мятой, или целиком отварной курочки с эстрагоном, или, друг ты мой любезный, может быть, лучше рубец с острой приправой, или, скажем, усач и форель в ореховом соусе? Что скажешь?

– С ума сведет ребенка этот болван, – пробормотала бабушка. Илико не выдержал такого меню и, закашлявшись, выскочил на балкон. Илларион выдержал испытание и стал разглядывать фотографии в альбоме.

– Что еще болит у него? – спросил с улыбкой врач. Потом снял с моей головы полотенце и заботливо утер мне слюни.

– Еще… чихает! – ответил Илларион.

– А моча у него какая?

Тут и Илларион не нашелся, что ответить.

– Какая у него моча, Илико? – обратился он к вернувшемуся в комнату Илико.

– Моча? – не растерялся тот. – В последнее время, прямо скажу, не нравится мне его моча.

– А раньше была хорошая?

– Изумительная!

– На что еще жалуешься, молодой человек?

– Хи-хи! – кашлянул Илико. – Еще он немного того… – И он выразительно покрутил пальцем у своего виска.

Я понял, на что он намекал.

– Да?.. А ну, сколько это? – спросил врач и поднес к моему носу растопыренную пятерню.

– Семь! – сказал я и как можно глупее улыбнулся.

– Правильно! – воскликнул врач.

Илларион от удивления выронил очки, бабушка в испуге отшатнулась. Врач вывернул мне веки, опустил, потом снова поднял, заглянул мне в глаза, с сожалением покачал головой и спросил:

– Родственников и близких узнает?

– С трудом, – вздохнул Илларион.

– Так… Кто этот человек? – спросил меня врач, указывая на Илико.

– Это не человек, это зверь! – сказал я и придал своему лицу такое идиотское выражение, какого и Илико не ожидал.

– Зурико, это же я, твой дядюшка Илико, неужели не узнаешь? – сокрушенно произнес Илико.

Я отрицательно покачал головой и скосил глаза к переносице. Бабушка закусила нижнюю губу и схватилась за голову.

– Чем лечите больного? – спросил врач.

– Виски натираем водкой.

– Принесите сюда эту водку!

Бабушка торопливо принесла бутылку с водкой.

– Подайте мне чайный стакан!

Подали. Врач наполнил стакан и начал:

– Положение ребенка весьма серьезное, боюсь, не протянет до утра. Нужно немедленно везти его в больницу на операцию!

– На какую операцию?! – вскочил я с постели.

– Придется вскрыть черепную коробку…

– Только через мой труп! – вскричала бабушка. – Ишь ты, «вскрыть черепную коробку»! Это тебе не тыква! Да что ты понимаешь в болезнях? Мальчик здоров, как бык, а он – «в больницу»! Вставай, сынок, вставай, а то и впрямь он загонит тебя в могилу!

– Ну, вот и отлично! Здоров, говорите? Дай бог и впредь всем вам здоровья! – сказал с улыбкой врач и опрокинул в рот стакан.

– А закусить? – сказал Илларион и подал ему грушу.

Врач аппетитно, с хрустом откусил грушу, потрепал меня по щеке, простился со всеми и, направляясь к выходу, сказал:

– А такого здорового мальчишки действительно во всей деревне не найдешь.

Потом он вскочил на коня, помахал рукой и ускакал…

Охота

Спустя неделю после моего чудесного исцеления к нам во двор зашел Илларион. Он прилег на траву под грушевым деревом, закурил самокрутку и, сладко потягиваясь, спросил:

– Ну, что, собачник, перенес операцию?

– Вам всем, конечно, начхать, а я чуть было не погиб!

– Скажи, пожалуйста! «Погиб»! А какая тебе грозила опасность? Ну, вскрыли бы твой паршивый череп и тут же бы и захлопнули. Чего копаться-то в пустоте?

– Ладно, ладно… «В пустоте»… Зато ты да твой дружок Илико – ума палата!

Помолчали.

– Что это твоей собаки не видать? – спросил Илларион, и в тот же миг, словно в ответ на его слова, раздался отчаянный собачий визг.

– Убью скотину, убью! Пропади ты пропадом, Зурукела-негодник, вместе со своей собакой! И где ты ее откопал эту безродную тварь?! Слыханное ли дело! Сперва таскала яйца из-под наседки, а теперь принялась за цыплят!

По тропинке между изгородями, громко голося и размахивая палкой, ковыляла соседка Ефросинэ. Перед ней, жалобно скуля и волоча заднюю ногу, бежал мой бедный Мурада.

– Держи его! – вопил из своего двора муж Ефросинэ.

– Да что ты раскричалась, баба! Что случилось?! – выскочила из дома бабушка. – Это кто же, по-твоему, безродная тварь? Наш Мурада? Да он, если хочешь знать, породистее твоего мужа и всей вашей родни!.. Проваливай лучше, пока не поздно! Безродный… Да я за него с двух доек сыр отдала мельнику Симону!

Ефросинэ, которая больше всего на свете боялась бабушки, тотчас же повернула обратно, а Мурада с видом оскорбленного достоинства прилег у моих ног. Не сводя глаз с удалявшейся Ефросинэ, он жалобно повизгивал. Как только женщина скрылась за поворотом, собака умолкла.

– Здравствуй, Мурада! – поздоровался с собакой Илларион.

«Здравствуй!» – ответил про себя Мурада и приветливо вильнул хвостом.

– Ах ты, лисья порода! – улыбнулся Илларион, доставая изо рта собаки цыплячий пух. – За что тебя пробрали?

«А бог их знает, – проговорил про себя Мурада, – оставляют без присмотра цыплят на улице, а потом еще обижаются…»

– Крепко досталось тебе?

«Порядком», – ответил про себя Мурада и взглянул на ушибленную ногу.

– Не огорчайся, пройдет…

«Да не так уж и больно, как хотелось бы Ефросинэ», – улыбнулся Мурада, тряхнул ушами и стал лизать Иллариону руку.

– Что с его мордой? – спросил меня Илларион.

– Обжегся, дурак. Вчера вздумалось ему стащить со сковороды мчади, вот и угодил носом в огонь…

– Это правда, Мурада?

«Эх, на сей раз не повезло, поторопился малость», – вздохнул Мурада и облизнулся.

– Да ты, брат, не собака, а настоящее сокровище! – произнес с уважением Илларион. – Вот этот собачник, гляди, какой верзила вымахал, а все на бабушкиной шее сидит, а ты уже сам о себе заботишься. Молодец! Однако воровать все же нельзя, это ты учти! Краденый кусок впрок не идет. Вот хоть возьми нашего завскладом Датико, – близок его смертный час. А какой ненасытный был, все ему мало. Теперь вот валяется в постели, как списанный товар. Слышишь?

«Слышать-то слышу, да что с того? Все воруют, а я что, божий агнец? В конце концов я обыкновенный пес», – возразил про себя Мурада.

– Ладно, иди к себе и не вздумай убегать со двора, не то поколочу, сукин ты сын! – сказал я и легонько пнул собаку ногой.

«Не ругайся!» – огрызнулся Мурада и, поджав хвост, побрел восвояси.

Илларион скрутил самокрутку, затянулся и сказал:

– Утром обошел я колхозные поля, побеги сои сплошь обглоданы, не иначе, как зайцы шалят… Следы видел… Не мешало бы пройтись завтра утром с ружьем…

– Знаю я твоих зайцев! Прошлый раз ты тоже потащил меня, а заячьи следы оказались козьими.

– А сейчас, говорю тебе, – заячьи! Кроме того, помет заячий!

– Ну ладно, пойдем. Смотри только, как бы заячий помет тоже не оказался козьим!

– Не учи меня, сопляк! Приготовь-ка к утру ружье да захвати своего глупого пса, авось пригодится… – сказал Илларион, нахлобучил мне по самый нос фуражку и ушел.

На другое утро, чуть свет, мы пробирались сквозь высокую – по колено – росистую траву. Впереди шагал Илларион, за ним – я, за мной трусил весь мокрый, облепленный репьем Мурада.

– Вот это собака! – насмехался Илларион. – Никак за зайцев нас принимает – по следу идет. Скажи ей, пусть бежит вперед!

– Марш вперед! – приказал я собаке.

Мурада послушно сел.

– Устал пес. Может, и нам отдохнуть и перекусить чего-нибудь, а? – спросил Илларион и опустился на землю.

– Что ж, отдохнем, – согласился я и уселся рядом.

Илларион извлек из сумки вареную курицу, мчади, молодой сыр, бутылку виноградной водки и разложил все это на большом круглом камне. Я, со своей стороны, прибавил к столу пхали[1] из крапивы, лобио, вареную картошку, соль. И пиршество началось.

– Смотри, Илларион, не чавкай громко, зайцев распутаешь! – предупредил я.

– Ты над кем смеешься, урод? Зайцев здесь хоть пруд пруди, только искать их нужно с головой! – рассердился Илларион.

Он наполнил стакан водкой и, произнеся обычное «будем здоровы», осушил его.

– Будем здоровы! – сказал я и тоже выпил.

– Закуси чем-нибудь, сгоришь!

– Подумаешь! Не видал я сивухи!

– Мерзавец! Сивуху поищи у своей бабушки!.. Ну, давай по второй!

– Давай! – охотно согласился я, выпил и вдруг развеселился. Ну и пробирает! Бьет прямо в почки!

– Еще бы – чистая чача[2]!

– Выпьем по третьей, – предложил я.

– Выпьем!

Илларион быстро опрокинул в рот стакан и достал кисет с табаком.

– На вот, возьми мой кисет, табак у меня знатный: стамбульский! – сказал я, протягивая полный кисет.

Илларион взял кисет, понюхал табак, подозрительно взглянул на меня, но все же скрутил козью ножку, зажег, затянулся и… опрокинулся на спину.

– Что с тобой, Илларион?! – кинулся я к нему.

---

[1] Блюдо из травы с острой приправой.

[2] По-грузински и «почка» и «виноградная водка».

Илларион лежал побледневший, с закатившимися мазами и молчал.

– Мурада, скорей воды! – крикнул я.

Илларион отрицательно покачал головой, медленно приподнялся, долго смотрел на меня покрасневшими глазами, потом глубоко вздохнул и спросил голосом приговоренного:

– Откуда у тебя этот табак?

– Илико подарил. А что?

Илларион наполнил стакан, смахнул слезу, потом простер руку к небу и медленно, торжественно произнес:

– Боже всесильный, покарай всех жуликов и подлецов на свете! Ниспошли на Илико Чигогидзе кару, чтобы корчился он в адских муках и некому было бы подать ему руку помощи, кроме меня! Аминь!

– В чем дело, дядя Илларион?!

– К табаку примешан перец!

– Ну, тогда выпьем по четвертой, и пусть бог накажет Илико! – сказал я, выпил, и вдруг мне захотелось поцеловать длинный нос Иллариона.

– Дядюшка Илларион, дорогой мой, ты лучше всех на свете! Если б ты знал, как я тебя люблю! У тебя длинный нос и доброе сердце. Если бы не ты, мне б вообще незачем жить на этом свете. Поверь мне, дядюшка Илларион! Дай-ка я тебя поцелую!

– Ну, говоря откровенно, Зурико, дорогой, другого такого мальчика, как ты, и свет не рожал! Это пустяки, что я старше тебя на тридцать лет! Был я твоим ровесником?! Был. Будешь ты моим ровесником?! Будешь. Спрашивается, какая между нами разница? Никакой. Разве имеет значение, у кого больше волос на голове? Не имеет. Мы друзья! А потому – выпьем…

…Средь друзей хожу печальный,
Я, Симона, эх, Долидзе…

– затянул я песню.

– Как это – «печальный»? Что тебя печалит, дорогой? В школе обижают, да? Так вот, запомни мое слово – спалю я вашу проклятую школу! Или, может, враг у тебя завелся? Ты только скажи мне, кто он!

И Илларион потряс ружьем.

– Давай, пли, Илларион! Пусть узнает весь мир, арго мы – это мы! Ау-у-у!..

Илларион спустил оба курка, ружье громыхнуло. Эхо, словно пташка в клетке, долго бросалось от горы к горе, потом, найдя выход, выпорхнуло и умчалось куда-то…

…Я проснулся от холода, протер глаза и огляделся. По-видимому, Мурада давно закончил завтрак, убрал все со стола и куда-то ушел…

Я разбудил Иллариона.

– Не стой над головой, точно стражник! – огрызнулся он. – И убери, ради бога, ружье, еще выстрелишь, чего доброго, тогда берегись, расквашу твой дурацкий нос!

– Пройдусь немного, может, зайца встречу…

– Иди, иди… будешь стрелять – не забудь закрыть левый глаз! – крикнул мне вдогонку Илларион.

Не успел я сделать и десятка шагов, как услышал отчаянную ругань Иллариона:

– Вай, чтоб ты околела, паршивая! Дерьмо ты, а не собака! Лаять, что ли, тебе лень, ублюдок несчастный?!

– Что случилось, Илларион? – подбежал я с ружьем наготове.

– Вот, полюбуйся, пожалуйста, – сказал он, протягивая ладонь. На ней чернело несколько зернышек заячьего помета.

– Совсем еще теплые, понимаешь? – простонал Илларион и стал яростно давить пальцем зернышки. – Заяц только что был здесь, а твой проклятый пес и не учуял его!

– Где ты их подобрал?

– Да говорю же тебе, вот тут, рядом, в двух шагах! Ну-ка, живо, заходи сверху, а я подкараулю здесь! Заяц не мог уйти далеко!

Я взвел курок и медленно двинулся вверх по косогору. Вскоре я увидел общипанные побеги сои и заячьи следы. Они вели к большому кусту орешника. Я несколько раз обошел куст, потом сильно пнул его ногой. Вдруг из куста выскочил заяц – настоящий заяц: длинноухий, косой, с белой полоской на спине.

– Держи! – взвизгнул я, словно ошпаренный, и выстрелил.

Заяц, смешно пригнув уши, стрелой помчался вниз.

– Илларион, не упускай его! – орал я.

– Я здесь, не бойся!

На минуту воцарилась гробовая тишина. Затем я услышал щелканье курка, потом Илларион громко сплюнул, потом что-то плюхнулось, раздались проклятия, стоны, вздохи и потом вдруг:

– Держи, держи, Зурикела, он бежит к тебе!

Я присел и вскинул ружье… Неожиданно где-то внизу бабахнул выстрел, другой, и в тот же миг раздался душераздирающий собачий визг. В глазах у меня потемнело, ноги подкосились, и я без звука опустился на землю…

– Мурада, дорогой, взгляни на меня! – Я поцеловал своего верного пса и горько зарыдал.

– Не плачь, сынок, возьми себя в руки, – сказал Илларион, смахивая слезу.

Мурада приоткрыл глаза и взглянул на нас. Плакали все трое – я, Илларион и Мурада.

– Тебе больно, Мурада?

«Очень», – вздохнул бедный пес.

– Эх, почему у меня не отсохнут руки и не ослепнут глаза! – воскликнул Илларион.

«Ладно уж, Илларион, не убивайся… Не нарочно ведь – спьяна… Кроме того, знаю же я нрав твоего ружья – из него выстрелишь во врага, угодишь в друга… Помнишь, точно так же ты подстрелил свою собаку… Так что не стоит сокрушаться… Я на тебя не в обиде… Одно досадно: Ефросинэ будет рада! А впрочем, бог с ней, пусть радуется…» Сказав все это про себя, Мурада ласково потерся мордой о колено Иллариона.

– И он должен псом называться, а Илико – человеком! Где же тут справедливость? – вздохнул Илларион.

– Мурада, крепись, дружище! Потерпи немного! – нагнулся я к Мураде.

«Ну, нет, брат, плохи мои дела… Как это у вас говорится? „Заживет, как на собаке“! А я вот умираю… Умираю, Зурикела…»

– Крепись, крепись, Мурада. Будь до конца мужественной собакой, – упрашивал Илларион.

«Вам, людям, горя мало: умрете – похоронят, оплачут. А кто нас хоронит? Никто. Если и зароют нашего брата, опять-таки потому, чтобы трупы наши не воняли…» По телу Мурады пробежала дрожь.

– Илларион, на помощь, Мурада умирает! – закричал я.

«Прощайте…» – Мурада в последний раз взглянул на меня, закрыл глаза и застыл.

– Кончился, чтоб отсохли мои руки, – тихо произнес Илларион и вытер рукавом слезы…

…Вопли и причитания бабушки всполошили все село. Примчались перепуганные соседи. Узнав, в чем дело, они возмутились:

– Вы что, люди, с ума посходили? Слыханное ли дело – поднимать такой шум из-за дохлого пса?! Что за ненормальная семья!

И разошлись…

Илларион весь день ходил, словно убийца перед казнью. Под вечер он подозвал меня и сказал:

– Должны похоронить. Вон там, под чинарой!

Вдвоем мы выкопали яму и торжественно предали земле останки нашего погибшего друга. Потом я выпросил у бабушки кувшин вина, и мы справили на могиле Мурады поминки. Первый тост произнес Илларион.

– Зурико, сынок мой, – начал он, – безутешное горе привело нас сегодня сюда, к этой могиле, Из наших рядов ушел наш любимый друг и товарищ Мурада. Он всегда был верен нам, как собака, и если на том свете существует собачий рай, то врата его открыты для Мурады. Светлая память о нем всегда будет жить в наших сердцах. За упокой души Мурады! Выпьем!

– Благодарю тебя, Илларион… Выпьем!

– Вторым стаканом я хочу выпить за здоровье близких и родственников покойного. Желаю тебе счастья, благополучия, и чтобы это горе было последним в твоей семье!

– Спасибо, Илларион!

Во двор воровато прокралась черная собака. Она несколько раз обошла могилку Мурады, потом уселась поодаль и жалобно завыла.

– Плакальщики пришли, – сказал Илларион.

– Это собака Симона-мельника, мать Мурады, – сказал я.

– Господи помилуй! Поди сюда, собака!

Собака приблизилась к Иллариону. Он бросил ей кусочек мяса. Собака отвернулась и легла на землю.

– Собака, а ведь тоже чувствует! – сказал я.

– За родителей Мурады! Будь здорова, собака!

– Это я, окаянный, взял грех на душу! – сказал Илларион и выпил. Выпил и я. Во двор по очереди, одна за другой, вошли еще четыре собаки.

– Гляди, вот собака Асало… Эта – Датико… Вон та – Деспинэ… Эта – Маки… А где же головастый пес Матрены? Почему он не пришел? – спросил Илларион.

– Он был в ссоре с Мурадой. В прошлом году я стравил их, и Мурада больно его искусал, – ответил я.

– И он решил сейчас свести счеты? Плевал я на такую собаку! Нет у нее ни чести, ни совести! Тьфу!

– Хозяин! – послышалось у калитки.

– Кто там?

– Можно к вам?

– Пожалуйста!

Во двор вошел семилетний мальчуган – сын Махаре Гогичайшвили.

– В чем дело, сынок? – спросил Илларион.

– Телеграмма на ваше имя!

– Покажи!

Мальчик протянул телеграмму. Илларион не спеша достал из кармана очки, тщательно протер их платком, водрузил на нос и начал читать.

> «Молния. Зурикеле-собачнику и Иллариону Носатому. Примите мое глубокое соболезнование по поводу трагической гибели дорогого Мурады. Вместе с вами горько оплакиваю эту утрату. Горе мое безгранично, не знаю, переживу ли. Скорблю, что не могу присутствовать лично. Не знаю, как

утешить вас. Будь вы неладны оба, горе-охотники, олухи царя небесного! Когда еще раз соберетесь устроить охоту на собак, непременно захватите меня с собой. Целую обоих в лоб.
Ваш скорбящий друг».

– Без подписи! – сказал Илларион. – От кого бы это, а? Поди сюда, сынок, – обратился он к мальчику. – Иди, иди, не бойся!

Мальчик подошел. Илларион так схватил его за ухо, что мальчишка завопил, как гудок чайной фабрики.

– Говори, кто дал телеграмму?

– Не скажу, убьет!

– Не скажешь? Тогда я убью тебя! Выбирай! – сказал Илларион, и гудок завыл с новой силой.

– Илико Чигогидзе дал три рубля, велел отнести телеграмму и молчать, не то язык вырвет.

– Илико, говоришь?

– Илико.

Илларион отпустил мальчика и кулаком ударил себя в грудь:

– Ну, погоди же, кривой черт! Ты у меня еще попляшешь!..

Мне искренне стало жаль Илико.

Наступила ночь, обыкновенная сельская ночь. И все вокруг было мирно и спокойно, словно в тот день никто в нашей семье не умирал…

Кровь за кровь

Нынешний учебный год я опять закончил с переэкзаменовкой по русскому языку. Два раза в неделю я ходил заниматься на дом к преподавательнице. Вознаграждение за труды выплачивалось натурой: полпуда лобио, четыре головки сыра и пуд вина с нового урожая. По сравнению с прошлым годом дань выглядела ничтожной – в прошлом году у меня были две переэкзаменовки.

Мой учебный день начинался так:

– Вставай, вставай, бездельник! Хватит тебе валяться! Опоздаешь! – доносился со двора голос бабушки.

Я тотчас же вскакивал, несколько раз пробегал по комнате, громко стуча ботинками; с грохотом передвигал стулья, затем на цыпочках возвращался к кровати, забирался под простыню и продолжал прерванный сон. Окончательное пробуждение наступало в момент, когда вместе с ушатом холодной воды на мою грешную голову обрушивались громы и молнии, исторгаемые бабушкой:

– В кого только ты уродился этакий бездельник и непутевый?! Чтоб ты провалился сквозь землю, бессовестный ты человек!

– Ну что тебе от меня нужно?

– Смерти твоей, мерзавец! Похоронила бы тебя рядом с Мурадой и оплакивала бы по-русски. Да, по-русски, болван! Что, не научилась бы? Вся Россия по-русски говорит, а ты что за тупица такой? Ну, назови мне кого-нибудь в нашей семье, кроме тебя, чтоб русского не знал?! Эх, бедный твой дед! Семь лет прожил в России и выучил русский язык лучше самого начальника почты Ивана.

– Што ви гаварице! – удивлялся я.

– Да, да, не таращь, пожалуйста, глаза! Два часа покойный говорил с Иваном, два часа слушал его Иван с разинутым ртом, а потом повернулся к народу и сказал, что подобной русской речи он в жизни своей не слышал. Вот как оно было!

– Нэ может биц! – опять удивлялся я, после чего следовали знакомый свист хворостинки и мое поспешное бегство по направлению к дому учительницы.

– Здравствуйте, учительница! – представал я пред очи учительницы Заблоны.

– Здравствуй! Что мы сегодня будем делать? – вопрошала она.

– Сегодня? Закончу прополку кукурузы, потом – корову на выпас, потом – сбегаю на мельницу, потом – наколю дров, а потом – уроки, – говорил я, мешая русские и грузинские слова.

– Ну, валяй! – благословляла учительница, и я приступал к занятиям. После полудня начиналось выспрашивание пройденного материала.

– Как с кукурузой?

– Все в порядке, учительница!

– На мельницу сходил?

– Сходил, учительница!

– Корову напоил?

– Напоил, учительница!

– Дрова?

– Хватит на неделю!

– Что такое грамматика?

– Грамматика греческое слово!

– Правильно, молодец, ты хороший мальчик! Ну беги домой!

Однажды утром я совсем уже было подготовился к очередным занятиям, как к нам во двор пожаловал Илико.

– Ольга, дорогая моя, одолжи-ка сегодня мне своего Зурикелу!

– Да? А русскому языку ты его будешь обучать, что ли?

– Такому русскому, какому учит его Заблона, я тоже могу научить. Поставлю его на прополку огорода, и так он у меня намахается мотыгой, что его язык тебе китайским покажется! И ни лобио, ни вина за это не возьму!

– Чтоб у тебя язык отсох, кривой черт! А все-таки зачем он тебе понадобился?

– Это уж не твоя забота, дорогая! Ты только отпусти его.

– Ладно. Прохвост, ступай с кривым, чтоб ему и второй глаз выклевали! Посмотрим, чему он тебя научится.

– Впериот! – скомандовал Илико и бодро зашагал к воротам.

– В чем дело, Илико? – спросил я.

– Просьба у меня к тебе, Зурикела: хочу послать тебя к Иллариону…

– Это еще зачем?

– Нужно выпросить у него пуда три вина, – знаешь ведь, вино у Иллариона лучшее в селе.

– Лучше выпроси у бабушки, она не откажет.

– Благодарю покорно! Мне вино нужно, а не уксус. Я не огурцы мариновать собираюсь.

– Так и передам бабушке.

– Передашь, зашью тогда тебе этот рот, что растянул до самых ушей, – и делу конец! Лучше делай, что говорю. Иди к Иллариону и попроси – пусть продаст или одолжит вино. Он уважает тебя, не откажет…

– Кому нужно вино? Тебе? Вот ты сам и проси…

– Зурико, дорогой мой, милый, без ножа меня зарезать хочешь? Сделай одолжение, выполни мою просьбу, ведь он после той телеграммы меня на выстрел к себе не подпускает… А если он откажет, тогда…

– Что тогда?

– Тогда… Тогда ты должен пометить кувшин, в котором он хранит цоликаури[3]. И я выкину с ним такой фокус, что вся деревня говорить будет.

– Какой фокус?

– А вот какой: вино из помеченного кувшина Иллариона в полночь перекочует в мой кувшин. Понял?

– Да ты с ума спятил, Илико!

– Не ори, болван! Забыл, чей табак куришь?

– Подумаешь! От твоего табака того и гляди чахотку наживешь!

– Ну, ладно, лучше поговорим о деле. Десять пригоршней табака, и ты – могила. Идет?

– Сейчас же дашь?

– Ну, конечно.

– Ладно, иди домой, я сам приду к тебе с ответом.

– Ну, смотри!

– До свидания!

Илико поцеловал меня в лоб, потрепал по щеке и, просверлив меня единственным глазом, проникновенно сказал:

– Слышь, Зурикела: изменить Илико Чигогидзе – все равно что изменить родине. Не забывай об этом…

– За кого ты меня принимаешь? – обиделся я.

---

[3] Сорт вина.

Успокоенный Илико бодро зашагал домой, а я отправился к Иллариону. Солнце щедро подрумянивало рассыпанные по всему балкону сушеные яблоки. Сам Илларион полулежал на разостланной под липой козьей шкуре и очень старательно читал газету недельной давности. В нашем селе вообще не существует сегодняшней, вчерашней и позавчерашней газеты, все газеты недельной давности.

– Здравствуй, Илларион!

– Зурикеле привет!.. Что нужно было чуть свет этому кривому черту?

– Просто так зашел.

– Все же что говорит этот разгильдяй?

– Вина, говорит, хочу. Пойди, говорит, к Иллариону, пусть, говорит, одолжит или продаст три пуда.

– А стрихнина он не хочет?

– Нет, вина, говорит, хочу.

– Такого вина, какое можно на этого сумасброда расходовать, у меня нет!

– Жалко его, дай!

– А он нас пожалел, когда подсунул наперченный табак? А про телеграмму ты забыл?

– Это правда!

– Ну и не уговаривай меня!

– Знаешь, что он сказал!

– Ну?!

– Если, говорит, Илларион откажет, ты, говорит, пометь кувшин с лучшим вином, а я, говорит, его в полночь опустошу в два счета…

– Ах, вот как?! Ну, Зурикела, теперь мне нужна твоя помощь! За мной, знаешь ведь, не пропадет!..

Вечером я сидел у Илико и отчаянно торговался:

– На тебе две пригоршни табаку и больше не проси!

– Что такое! Выходит, даром я кувшин помечал?

– Ну, черт с тобой, бери четыре!

– Десять!

– Четыре!

– Десять!

– Сдохнешь, дурак! Пожалей свои легкие!

– Это не твоя забота! Гони табак.

– Пять!

– Или давай все десять, или я сейчас же иду к Иллариону и выкладываю ему все!.. До свидания!

– На, на, чтоб лопнуло твое ненасытное брюхо, мерзавец! – Илико в сердцах высыпал передо мною десять пригоршней золотистого табака и добавил: – Только решено: ночью пойдешь со мной и поможешь!

В полночь я и Илико лежали под выломанным забором у марани[4] Иллариона в мокрой от росы траве.

– Апчхи!.. Апчхи!.. Апчхи!.. – чихнул я три раза подряд.

– Чтоб ты не вырос больше, холера тебе в бок! Верзила, не можешь справиться с собственным носом! – рассердился Илико и дал мне сильного тумака.

– Вон тот кувшин… тридцатипудовый, видишь, палка воткнута, – шепнул я Илико. Илико просунулся в проделанную в заборе дыру и по-пластунски пополз к кувшину. Я запихал бурдюк за пазуху и последовал за ним.

[4] Помещение для хранения вина.

– Ну, начнем! – шепотом приказал Илико и протянул мне мотыгу.

Работали быстро и бесшумно. Спустя пятнадцать минут показалась крышка кувшина.

– Открывай! – сказал Илико и приготовил бурдюк.

Горло кувшина было так велико, что мы вдвоем пролезли бы внутрь. Я с трудом приподнял крышку, Илико быстро нагнулся, всунул голову в кувшин и вдруг зарычал:

– Что это? Кувшин пустой!!!

– Ну, что ты, Илико, он полный, ты глубже посмотри!

Илико залез в кувшин почти по самые плечи.

– Держи воров! Ух вы, мошенники! – заорал вдруг Илларион, соскакивая с дерева. – Ни с места, стрелять буду!

– Спасайся, – гаркнул я, хватая Илико за ноги. Тот в испуге рванулся и… провалился в кувшин. Илларион схватил меня.

– Ты кто? Говори, не то прикончу на месте!

– Это я, Илларион! Не убивай меня! – взмолился я дрожащим голосом.

– А где второй?

– Не знаю!

– Говори, не то прикончу!

– Не знаю, дядя Илларион!

– Кто он?!

– Не знаю!

– Как ты не знаешь, вы же вместе были!

– Не знаю!

– Сейчас же закрой этот кувшин, пока я из тебя душу не вытряс, а потом я с тобой еще поговорю! – сказал Илларион и закатил мне такую оплеуху, что вместо предусмотренного по плану хныканья у меня вырвался отчаянный вопль.

Я быстро закрыл крышку, придавил ее большим камнем и, взявшись за мотыгу, собрался было засыпать кувшин землей, как вдруг из чрева его раздался голос:

– Всесильный боже, святые угодники, пусть разверзнется земля и поглотит всех плутов, подлецов, прохвостов и двуличных людей! Господь всемогущий, ниспошли гром и молнию на головы Иллариона Шеварднадзе и Зурикелы Вашаломидзе! Одурачили меня, нехристи!

– Эй, кто там? Говори, не то башку размозжу! – крикнул Илларион, просовывая в кувшин дуло ружья.

– Это я, Илико. Убери ружье, носатый черт, не бери греха на душу.

– Подонок ты, а не Илико! Что тебе понадобилось в пустом кувшине?

Я чуть не задохнулся от смеха.

– Илларион, заживо хоронишь меня? Побойся бога!

– Нечего мне бояться! Вот замурую тебя, нехристя этакого, бог даже благодарить меня будет!

– Выпусти, Илларион!

– Пойди-ка, Зурикела, разбуди соседей, пусть все увидят, какой у меня в кувшине одноглазый барсук сидит!

– Илларион Шеварднадзе! Не срами меня на все село! Хватит, что я задыхаюсь в этом гнилом кувшине! Довольно шутить!

– Я не шучу вовсе, сейчас закупорю кувшин и через месяц буду гнать из тебя водку!

– Кому она нужна, такая вонючая водка, еще людей отравишь! – сказал я.

– Зурикела! Продал меня, как козу, подлец!

– А ты лучше про наперченный табак вспомни и про телеграмму! Сиди вот теперь в кувшине и дыши серой!

– Хватит вам издеваться над человеком, безбожники! Остаток дней в кувшине доживать мне, что ли?

– Выпустим его, жалко! – сказал я.

– Ладно уж, пусть вылезает! Только пускай громко крикнет: «Я олух».

– Согласен? – спросил я Илико.

– Олух я, олух! – обреченно выкрикнул Илико. Выбравшись из кувшина, он так глубоко вдохнул сырой ночной воздух, как будто был членом экипажа подводной лодки, вернувшейся из длительного плавания. Потом поднял бурдюк и, согнув указательный палец, сказал:

– Что ж, ваша взяла, сдаюсь.

Отвернулся и, бормоча что-то себе под нос, направился к калитке.

– Ты куда, неблагодарный! Не хочешь благословить нас? – крикнул Илларион.

– Благословит вас бог, большое вам спасибо, уважили меня! – сказал Илико.

– Да не так, кривой! Погоди!.. А ну, разгреби кувшин, Зурикела! – приказал мне Илларион, указывая на полный кувшин.

Прежде чем взяться за мотыгу, я достал полученный от Илико табак и скрутил цигарку.

– Не кури, Зурикела, табак перченый, – робко предупредил меня Илико.

…До последних петухов в марани Иллариона не затихали песни, проникновенные тосты и звуки громких поцелуев. Утром я и Илларион с трудом волокли Илико и огромный бурдюк с вином…

Сторож

Как-то я возвращался из школы сокращенным путем, через чайные плантации. Созревшая изабелла лукаво поглядывала на меня сквозь листву деревьев. Я не выдержал, повесил сумку на сук и мигом очутился на самой верхушке дерева. Виноград оказался изумительным! Горожане почему-то говорят, что изабелла отдает клопами. Не берусь судить – клопов я никогда не пробовал, но если это действительно так, то браво клопам! Сперва я глотал виноградины целиком; насытившись, стал есть медленнее, смакуя и выплевывая кожуру.

– Эй, кто там на дереве? Кто это расхищает колхозное добро?! – раздался вдруг грозный окрик.

От неожиданности я чуть не свалился с дерева, но вовремя схватился за ветку и затаил дыхание.

– Кому говорят? Оглох ты, что ли?!

Я поглядел вниз. Под деревом стоял Илико – в соломенной широкополой шляпе, с перекинутой через плечо веревкой и топором за поясом. Тут же рядом тощая коза, смешно шевеля губами, подбирала виноградную кожуру.

– Ты что, не слышишь меняй А?! Говори, кто ты такой? Кто дал тебе право распоряжаться колхозным виноградом? Нечистая сила ты, что ли? Отвечай сейчас же!

– ДЬЯВОЛ я, ДЬЯВОЛ!

– Будь ты трижды дьявол, все равно должен знать, что колхозная плантация – это тебе не райский сад, чтоб каждый голодный сукин сын и проходимец обжирался тут виноградом! Спускайся вниз, не то живо стряхну тебя оттуда!

– Поднимись сюда, здесь поговорим!

– Сойди вниз, говорят тебе!

– Не сойду!

– Не сойдешь?

– И не подумаю!

– Ну и сиди, пожалуйста, посмотрим, сколько ты выдержишь! А мне спешить некуда! – сказал Илико и уселся под деревом.

Я продолжал спокойно уплетать виноград. Прошел час. Наконец Илико не выдержал и окликнул меня:

– Черт проклятый, что ты там делаешь?

– Гнездо себе вью! – ответил я.

– По-хорошему тебе говорю: спустись вниз и добровольно следуй за мной в контору!

– Подожди, пока поем!

– Да ты человек или давильня? Спускайся немедленно!

– Не спущусь!

– Значит, не подчиняешься власти?

– Нет!

– Хорошо. Тогда вот тебе веревка, вот топор, иди и сам сторожи!

– Что ты пристал ко мне! Вот человек! Иди своей дорогой и оставь меня в покое!

– Последний раз предупреждаю: сойди с дерева! Иначе позову людей!

Тут только Илико заметил на суку мою сумку.

– Ага! Сейчас-то ты никуда не денешься. Узнаю ведь, кто ты такой!

Илико устроился поудобнее, взял сумку за углы и одним рывком вытряхнул на землю все содержимое.

– «Декамерон»… – прочел он и отложил книгу в сторону. – «Как закалялась сталь»… «Один среди людоедов»… «Тристан и Изольда»… «Витязь в тигровой шкуре»… Да кто ты

такой в конце концов, чертов сын?! Да где ты учишься, в какой школе, что ни тетради, ни карандаша у тебя нет! – обозлился совсем потерявший надежду Илико.

– Это я, Зурикела, дядя Илико!

– О-о-о, чтоб тебя разорвало, прохвост ты этакий! Ну и извел же ты меня, подлец! Скатывайся сейчас же вниз да захвати с собой пару гроздей!

Я тотчас же спустился с дерева и крепко обнял Илико.

– Как живешь, дядя Илико?

– Он еще спрашивает, бесстыдник! Целый час морочил мне голову! И все теперь пошло насмарку!

– Как – насмарку? – не понял я.

– А так… Вот уже полгода, как я работаю полевым сторожем. Знаешь ведь об этом?

– Знаю, конечно. Ну и что?

– Дали мне, значит, коня… Не конь, а дьявол! Прошлый раз забралась на поле корова хромого Сипито… Я – с коня долой и – цап корову за хвост!.. Оглядываюсь, где конь?! Погнался за конем, еле поймал проклятого, оборачиваюсь – где же корова?! Отпустил коня, погнался за коровой, поймал ее, а коня нет! Оставил корову, стал ловить коня, а тут корова пропала. Короче говоря, бегал целый день с высунутым языком от коровы к коню, пока оба не сбежали. А вчера на общем собрании получил нагоняй от председателя: или, говорит, выполняй свои функции добросовестно, или, говорит, сниму с поста…

– А я тут при чем?

– При том! Увидел я вора на дереве и подумал: спасся! Поймаю сейчас его, отведу в контору, и пусть потом посмеет председатель говорить: Илико, мол, плохо работает! А сейчас что буду делать, просто не знаю!

– Доставь в контору меня!

– Ты что, ошалел? Хочешь, чтоб твоя бабушка выколола мне последний глаз?!

– А что будешь делать?

– Отведу председателю козу. Пусть делает с ней, что хочет!

– А коза-то чья?

– Как это чья? Моя! Ты что, первый раз ее видишь?

– Но ведь она носила бороду?

– Носила. А теперь я ее остриг.

– Почему?

– Чтоб не узнали. Иначе нехорошо получится – сторож ловит собственную козу!

– А дальше?

– Ничего. Все равно в ней никакого проку. Ее хоть молоком пои, она доиться не станет… И на мясо она не годится – одна кожа да кости. От нее мне только убыток.

– А вдруг узнают?

– Куда там! Мне самому и то не верится, что это моя коза… Ну, будь здоров, сынок! Спасибо за виноград, а то глотка совсем пересохла!

– До свидания, Илико!

– Смотри, Зурикела, дорогой, не проболтайся Иллариону, погубит меня, – попросил Илико.

– Не бойся, Илико!

…Спустя месяц в награду за хорошую работу Илико получил от правления колхоза заметно пополневшую козу…

Общее собрание

На пригорке стоит одинокая ель. На ней висит старый колокол, снятый с часовни разрушенной церкви. Прежде чем совсем разрушить, церковь эту перестраивали несколько раз: сперва под клуб, затем – под склад, потом устроили в ней хлев, потом – медпункт, потом – библиотеку; после этого хотели переделать под гараж, но двери оказались слишком узкими для машин. Тогда церковь разобрали и построили пекарню. Потом пекарню переделали в читальню. Сейчас опять разрушили. Илико говорил бабушке, что, кажется, снова под церковь перестраивают. В бога я не верую, так что мне все равно, что они там построят. Бабушка моя тоже не очень-то верует, но все же лучше, говорит, церковь, чем читальня.

Так вот, висит, значит, теперь тот колокол на ели. Утренний звон колокола оповещает о начале занятий в школе, вечерний – о пожаре или общем собрании колхозников.

Меня, как единственного в семье мужчину, всегда приглашают на собрание, но только с правом совещательного голоса. Сегодня колокольный звон раздался вечером. Дыма и огня не было видно – значит, звали на собрание.

– Зурико, идешь? – раздался голос Иллариона.

– Иду, иду, Илларион! – крикнул я, мигом перемахнул через плетень и зашагал рядом с Илларионом. – По какому собираемся делу, не знаешь? – спросил я.

– А что тут знать? Опять по вопросу конторы, наверное!

Собрание уже началось. Мы заняли места в заднем ряду и прислушались. Говорил председательствующий – колхозный бухгалтер Алфез:

– Значит, так: наш Авсентий, когда его избрали председателем, велел разобрать здание конторы и перенести его ближе к своему дому. Потом, вы помните, председателем избрали Кирилла, и контора перекочевала на новое место. В прошлом году контора стояла перед домом Димитрия. Теперь вот наш новый председатель Шалва требует перенести контору к его дому.

Ну, кто хочет высказаться? Только предупреждаю: регламент – пять минут! А то знаю я вас: вам дай только слово, потом и не остановишь…

– У меня вопрос!

– Ну, что там у тебя, говори, Трифон!

– Вы как желаете, уважаемый Шалва: новое здание конторы построить перед вашим домом или старое перенести и заново перекрыть?

– Трифон Сихарулидзе! – вскочил председатель. – Ты мне зубы не заговаривай, а говори серьезно, не то я тебе покажу твое место! Контору нужно разобрать и поставить перед моим домом! Понятно? Не могу я столько времени терять! Утром выхожу чуть свет и только к вечеру в контору попадаю!

– А ты ускорь шаг, дорогой Шалва!

– Кто это сказал? А ну встань, покажись!

– Товарищи, ближе к делу! У кого еще вопрос?

– У меня! – сказал Макарий Цхоидзе и так откашлялся – чуть голосовые связки не порвал.

– Давай, жми, Макарий!

– Куда девалась породистая телка, которую я в прошлом году привез из Самтредиа?

– Не пережила, несчастная, благополучного разрешения нашей уважаемой председательши.

– Кто это сказал? А ну встань, покажись, провокатор!

– У меня есть предложение. Разрешите? – спросил Илларион.

– Дайте слово Иллариону!

– Товарищи, нечего теперь вспоминать да уточнять, куда девалась телка, почему казенный стройматериал пошел на постройку дома председателя, каким образом колхозное вино очутилось в председательских кувшинах… К чему это?.. Узнают люди, нас же и засмеют… Нельзя выносить сор из собственной избы…

– Илларион Шеварднадзе! Ты тоже хороший провокатор! Погоди, ответишь мне за клевету! А сейчас лучше садись!

– Дайте человеку досказать! Правду ведь говорит! – вмешался Илико.

– Так вот, я говорю: может, было бы лучше наоборот сделать: разобрать дом председателя и перенести его ближе к конторе?!

– Что ты, Илларион, только что он перекрыл новый дом, и уже разбирать?

– Тогда сделаем так: переселим председателя в контору, а его дом займем под контору.

– Да ты что, с ума сошел? – взорвался председатель. – Взамен моего нового дома хотите подсунуть гнилую хибарку?!

– Есть еще одно предложение: разобрать председательский дом и поставить его во дворе конторы, потом разобрать контору и перенести ее на место дома!

– От перестановки слагаемых сумма не меняется! – сказал учитель.

– Тогда все! Больше предложений не имею! – Илларион сел.

– У меня есть предложение, – сказала Маргарита Чантурия. – Завтра к нам приезжают тбилисские артисты, а так как материал для клуба пошел на постройку председательского дома, мы проведем концерт у него.

– О чем я думал, когда тебя звеньевой назначал!

– У меня вопрос, – встал кто-то. – Когда председатель думает начать ремонт школы? Классные комнаты вот-вот обрушатся.

– Зачем ему классы? Он строит бесклассовое общество! – сказал Илларион.

Председатель побледнел. Дело осложнялось.

– У меня есть хорошее предложение! – поднял руку Илико.

– Говори!

– Друзья, мы опять отступаем от главного вопроса: где нам ставить контору?

– Что же ты предлагаешь?

– Может, не стоит вообще разбирать контору? Не лучше ли сложиться нам всем миром и купить председателю М-1?

– Ни в коем случае! Погубить нас хочешь? А вдруг, не дай бог, случится авария? Что нам, сиротам, тогда делать без председателя? Лучше уж посылать каждое утро к нему на дом двоих здоровых парней, и пусть они его на руках приносят в контору!

– Не хватает того, что на голове у нас сидит, еще и на руках его таскать?!

– Ладно, есть еще одно предложение… Где наш шофер?

– Здесь я, Илико!

– Ну, как у тебя дела, как чувствует себя твоя машина?

– Ничего, спасибо… А как ваше здоровье?

– Благодарю, не жалуюсь… Нет ли у тебя лишних четырех колес?

– А зачем тебе колеса?

– Приделаем колеса к конторе и будем перекатывать ее туда и обратно, туда и обратно!

В зале поднялся хохот.

– Илико Чигогидзе! – встал председатель. – Запомни сегодняшний вечер… Если ты не пожалеешь об этом, плюнь мне в лицо!

– Пожалуйста, дорогой Шалва, пожалуйста… Просил тебя назначить меня почтальоном – ты назначил сторожем… Это меня-то, одноглазого! Инвалида! Что же ты еще можешь сделать со мной?

– А ты небось хотел бы стать председателем? Да?

– А почему бы и нет? Думаешь, я не смог бы построить себе дом из колхозных материалов? Или аппетит у меня похуже твоего?

Шалва смешался.

– Так на чем же порешили? – спросил председательствующий.

– Разреши сказать! У меня есть предложение! – выкрикнул вдруг я и сам испугался своей смелости.

– Молчи, сопляк! – зашикали на меня.

– Пусть говорит! – крикнул Илико. – Каждый участник собрания имеет право голоса!

– Ну, говори, говори, прохвост! – зашумело собрание.

– У меня есть предложение… Поскольку все село в сборе и собрание близится к концу… Нельзя же расходиться без определенного решения!

– Не морочь нам голову! Выкладывай, наконец, какое у тебя предложение!

– Воды, если можно… – еле выговорил я. – Во рту у меня пересохло.

– Дайте ему воды, чтоб его!..

Я не спеша опорожнил полграфина, вытер губы и продолжал:

– Поскольку дело так обернулось и мы никак не придем к общему решению…

– Говори покороче, негодяй! Сил больше нет!

– Предлагаю: снять председателя и избрать нового – который бы жил поближе к конторе.

Наступила мертвая тишина. С дрожью в коленях я ждал – вот-вот грянет гром…

И гром действительно грянул. Это было первое предложение, которое я произнес на общем собрании и которое прошло единогласно.

– Слава богу! Наконец-то нашелся один умный человек! Если бы не он, сидели бы мы тут до утра! Завтра изберем нового председателя, и делу конец! – Илларион подошел ко мне и поцеловал в лоб.

Бурка, сапоги и носки

Зима в этом году выдалась лютая. Беспрестанно валил снег, дул пронизывающий ветер, проникал сквозь щели в нашу комнату. Бабушка сперва затыкала их тряпками, затем принялась за мои домашние тетради. Трудно представить, с какой радостью я помогал уничтожать эти позорящие меня документы!..

Наконец щели в стенах были забиты и в комнате потеплело. А на дворе по-прежнему бушевала метель. Мы с бабушкой сидели у камина. Бабушка рассказывала какую-то сказку и время от времени искоса поглядывала на меня, проверяя, слушаю я ее или нет. Я медленно жевал кислый лаваш и думал о своем. Молодой царевич, перебив стражу, добрался до заветных дверей хрустального замка и уже готов был заключить в объятия томившуюся в неволе красавицу, когда на нашем балконе раздался топот ног.

– Взгляни-ка, кто там! – сказала бабушка.

Я выглянул в окно. На балконе стояли Илико и Илларион и отряхивали с себя снег. Я открыл им дверь.

– Добрый вечер! – поздоровался Илларион, швырнув в угол новенькие лыжи.

– Откуда лыжи, Илларион? – спросил я.

– За ночь снегу выпадет по колено. А утром кто вместо тебя в школу пойдет? Примерь-ка, балбес! Твои лыжи…

Я обнял Иллариона и чмокнул его в холодные колючие щеки, потом с мольбой взглянул на бабушку. Она понимающе улыбнулась, кряхтя поднялась и направилась к чуланчику, который почему-то называла «кассой». Спустя минуту перед камином появился низенький столик, а на нем бутылка водки, чурчхелы, яблоки, груши.

– Зря хлопочешь, Ольга, ей-богу, не стоит беспокоиться, мы ведь зашли просто так, поболтать! – сказал Илларион.

– Воля ваша, я могу убрать, – сказала бабушка, протягивая руку к бутылке.

– Не хочешь – скатертью дорога, а за других ты не болтай! – рявкнул Илико на Иллариона и быстро схватил бутылку.

– Как, разве ты пьешь водку? – На лице Иллариона было написано такое изумление, словно он вдруг увидел доисторического ящера.

– В такой холод не только водку – термометр проглотишь, лишь бы градусы были, – сказал Илико и наполнил стакан.

– Холодно! – сказал Илларион, тоже налил, выпил и закусил яблоком. – Эти яблоки, Ольга, осенью у тебя такие кислые, что если свинья попробует, и та с привязи сорвется, а сейчас с чего они такие сладкие стали?

– Пой, ласточка, пой, – улыбнулась бабушка. – Тебе лишь бы водку подать, так ты сам в сахар готов превратиться!

Налили по второй. Выпили. Потом по третьей.

– Сегодня наш почтальон заходил ко мне… – начал Илларион. Извещение принес… О гибели сына Герасима… Я, говорит, не смогу ему сказать… Скажи, говорит, ты…

– Сынок, сынок! Горе твоему отцу!.. О несчастный Герасим! – запричитала бабушка.

– Погиб в Керчи, бедный парень… Седьмой убитый в нашем селе… – продолжал Илларион.

– Ты сказал Герасиму? – спросил я.

– Да ты что! Человек со дня на день ждет возвращения сына, как же у меня язык повернется…

– О господи, накажи этого изверга Гитлера… Чтоб не было в жизни счастья ни ему, ни семье его, ни близким!.. – плакала бабушка.

– Что же ты собираешься делать? – спросил я опять.

– А вот что! – Илларион достал из кармана сложенный листок бумаги, долго глядел на него, потом быстро нагнулся и бросил бумагу в огонь. Вспыхнувшее пламя на миг озарило лицо Иллариона. По его небритым щекам катились две крупные слезинки. – Если парень жив – бог даст, объявится рано или поздно. А нет – пусть ждет несчастный отец… Надеждой жив человек… Ты смотри, Зурико, не проговорись! Слышишь?!

– Слышу…

– Ольга! – донеслось с балкона.

– Кто там? Входи!

В комнату вошел наш сельский агитатор Вашакидзе.

– Извините, что так поздно, но, понимаете, дело у меня неотложное!

– Привет агитатору! – Илико налил водку. – А ну, бери стакан!

– Пожалуйста, к огню! – пригласила бабушка.

– Ну, что скажешь нового, агитатор? Как идут дела на фронте? – спросил Илларион.

– Дела на фронтах Великой Отечественной войны идут неплохо. Наступление противника приостановлено. Гитлеровский план молниеносной войны потерпел крах! – выпалил агитатор.

– Погоди, погоди… Об этом мы читали в газетах месяц тому назад… Ты что-нибудь новое скажи!

– Новое? Дело у меня к вам серьезное. Слушайте!

– Начинай! – скомандовал Илларион.

Агитатор встал, кашлянул и начал так, словно выступал на многотысячном митинге:

– Товарищи! Социалистическое Отечество в опасности! Вероломный враг стремится своими кровавыми лапами задушить нашу свободу и независимость! Доблестная Красная Армия наносит фашистским захватчикам сокрушительные удары!..

– Что ты заладил, чудак, по-газетному! – прервал агитатора вышедший из терпения Илико. – Скажи прямо, в чем дело?

Агитатор смутился.

– Ну, говори, говори, что тебе нужно? – подбодрил его Илларион.

– Да вот, подарки для красноармейцев собираем… Может, и вы чем-нибудь поможете… – сказал агитатор и облегченно вздохнул.

– Так бы и сказал, сынок, а то начал с Адама и Евы… – улыбнулась бабушка.

– А какие нужны подарки? – спросил Илико.

– Всякие: фрукты, чурчхелы, теплая одежда, варежки, носки теплые… Сегодня четверг, в понедельник от имени нашего села на фронт отправится вагон подарков… Если что надумаете, несите сюда, к Ольге. Завтра зайдут наши ребята, заберут.

Агитатор попрощался и ушел. Мы долго сидели молча и думали – что бы такое подарить красноармейцам… Тишину первым нарушил Илико.

– Какие у меня есть сокровища? Одна бурка, и та вон торчит за дверью… Встань, Зурикела, тащи ее сюда!

Я удивленно взглянул на Илико.

– Что ты вылупил глаза? Мир провалится, что ли, если такой старый хрыч, как я, не будет бурку носить?! Все равно уже весна скоро! Неси сюда бурку!

Я вышел на балкон и тотчас же вернулся с буркой – черной, почти новой буркой Илико, той самой, которой он укрывался, которую берег как зеницу ока и которую не одалживал даже Иллариону.

– Принес? Клади ее в угол… Придут ребята – отдайте, – сказал Илико, не глядя на бурку.

– Позор этому старому дураку – господу богу, что тебя одноглазым сделал! Я-то знал, что у тебя золотое сердце, но, честно говоря, не думал, что в такой высохшей груди лежит целый самородок, – сказал Илларион и почесал за ухом. Потом он беспокойно заерзал на стуле и вдруг сорвался и выскочил из комнаты.

– А я знаю, куда помчался носатый! – ухмыльнулся Илико.

– Куда? – спросила бабушка.

– Домой! Ты что, нрава его не знаешь? Теперь он мне назло перевернет весь дом! Да много ли у него добра, у голодранца!

Не прошло и пяти минут, как вернулся Илларион и молча поставил рядом с буркой Илико свои единственные новые сапоги.

– С ума сошел, несчастный?! – вскочил Илико.

– Вставай, старик. Поздно уже, ты что, ночевать тут собираешься? – сказал Иллариони направился к двери…

…Я проснулся от легкого шороха. Бабушка сидела на краю кровати и, стараясь не шуметь, одевалась. Потом так же бесшумно встала, на цыпочках прошла в «кассу» и вернулась с чесалкой в руках. Поставив чесалку у камина, она подошла к кровати, распорола тюфяк и стала клочьями вырывать из него шерсть. Затем уселась перед чесалкой на валявшуюся там же козью шкурку и принялась чесать шерсть, раскачиваясь всем телом в такт движению рук и что-то монотонно бормоча про себя.

Я долго молча смотрел на бабушку, и глаза мои наполнялись слезами. Я думал о незнакомом солдате, для которого в эту лютую зимнюю ночь моя бабушка дрожащими от холода руками вязала теплые носки…

Литературный вечер

Холодные зимние вечера мы коротаем у Илико. В камине весело потрескивают дрова, на сковороде аппетитно шипит кусок окорока, тут же рядом греется вино в небольшом кувшинчике. А мы режемся в нарды или читаем вслух, но чаще всего беседуем о политике. Политика занимает нас больше всего, да разве только нас: стоит зима 1942 года, и немцы подошли к Москве.

…Илларион читает сводку Совинформбюро. Потом не спеша складывает газету и безапелляционно заявляет:

– Конец Гитлеру!

– Ну, что там в газете, Илларион?

– Стали у Москвы и ни шагу дальше!

– А что слышно про второй фронт?

– Гм, не спешат союзнички… И вообще, хитрит Англия… К Америке пристает – отвернись, говорит, от Советского Союза и помоги мне.

– А Америка что?

– Это, говорит, не твое дело.

– А тут еще Германия уговаривает Турцию и Японию: как только, говорит, я вступлю в Сталинград, вы ударьте со своей стороны!

– Может быть, она думает, что в Сталинград вступить – это все равно что в «Красный крест»?! Напиши Верочке Бурчуладзе заявление, и тебя с аплодисментами примут, да?

– Мда-а… В последнее время, прямо скажу, не нравится мне политика Турции!

– О-о, это такой жулик… Стоит Турции заметить, что Германии тяжело, как она сразу же набросится на нее.

– Да что ты? Не говори!

– Вот – я! А вот – Германия! Сбрить мне усы, если так не будет!

– А Япония?

– Что – Япония… Германия ее торопит – начни, говорит, чего ты ждешь? А она в ответ: ты, говорит, как стала у Москвы, так и стоишь без движения. Скажем, начну я, а потом куда мне деваться?

– А что говорит Гитлер?

– Гм, Гитлер… Гитлер уже дважды объявлял по радио о взятии Сталинграда, да разве Японию проведешь? Это такая хитрая бестия… Нет, плохи их дела!..

– Дай бог!.. Налей, Зурикела!

Мы поднимаем стаканы и пьем за победу, за тех, кто на фронте, за мир.

– А я стихи вчера написал! – вдруг выпалил я.

Илларион от неожиданности выронил кусок ветчины. Я нерешительно взглянул на Илико. Илико поперхнулся вином и посинел, как петушиный желудочек.

– Что ты сказал? – спросил, отдышавшись, Илико.

Илико и Илларион переглянулись.

– Ну-ка, прочитай, пожалуйста!

Я достал из кармана лист бумаги, встал, выпрямился, протянул вперед левую руку и как можно громче начал:

Враг коварный, враг проклятый,
Он на нас ползет войной!
Не бывать ему с победой, –
Мы дадим смертельный бой!

Герои наши не дремлют…
Гремят наши пушки и танки,
А если потребует Родина,
Я смело пойду в атаку!

– закончил я и с трепетом стал ждать приговора.

– Мда-а-а… Написано довольно того… громко! – сказал Илларион после получасовой паузы.

– Это еще ничего, можно прочесть и тише… Но что с ним теперь будет? – ответил Илико, с сожалением глядя на меня.

– Скажи-ка, давно тебя тянет к стихам? – спросил меня Илларион.

– Уже месяц! – сказал я.

– Где же ты был до сих пор, несчастный, вовремя не мог сказать, что ли? А теперь что делать будем? Бабушку твою бедную жалко мне, а я-то раньше знал, что в один прекрасный день ты все равно с цепи сорвешься! – сказал Илико и махнул рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.